

Пушкин ... унёс с собою ... великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем...

Ф.М. Достоевский.

Осенью 1830 г. А.С. Пушкин отправился в Болдино, чтобы уладить свои дела перед бракосочетанием с Н.Н. Гончаровой, но в Нижегородской и близлежащих губерниях в это время разразилась эпидемия холеры, и был объявлен карантин. Весь сентябрь, октябрь и ноябрь Пушкин был фактически заперт в Болдино: воля Случая. Для России и всех почитателей его таланта этот карантин обернулся неоцененным даром. По мнению всех исследователей творчества поэта — «Болдинский период» осени 1830 г. — самый плодотворный за всё время его творчества.

И среди всего написанного поэтом в этот период «Повести Белкина» занимают особое место: они полны загадок и отличаются особой закрытостью, возможно благодаря которой, ни сами повести, ни их глубинный смысл не был понят ни современниками Пушкина, ни его потомками. И это вопреки тому, что сам Пушкин свидетельствовал, что его произведения несут в себе некий скрытый смысл.

Так, в предисловии к «Домику в Коломне» в издании П.О. Морозова 1896 г. читаем: «Рецензия (на поэму: авт.) явилась в Литературном Прибавлении к Русскому Инвалиду 1833, N 69. По словам Анненкова, повесть «почти всеми принята была за признак конечного падения нашего поэта. Даже в обществе старались не упоминать о ней в присутствии автора, щадя его самолюбие... Пушкин всё это видел, но не сердился и молчал...» А вот выдержка из письма Пушкина издателю П.А. Плетнёву из Москвы 9 декабря 1830 г.: «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привёз сюда: две последние главы Онегина, восьмую и девятую, совсем готовые в печать; повесть, писанную октавами (стихов 400), которую выдадим анониме;

несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: “Скупой рыцарь”, “Моцарт и Сальери”, “Пир во время чумы” и “Дон Жуан”. Сверх того, написал около тридцати мелких стихотворений. Хорошо? Ещё не всё (весьма секретное, для тебя единого): написал я прозою пять повестей, от которых Баратынский ржёт и бьётся, и которые напечатаем также анониме. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает».

Пушкин решил напечатать повести анонимно. И для убедительности к циклу этих повестей он присоединил предисловие «От издателя», содержащее «биографию» И.П. Белкина.

Перед отправкой повестей в печать Пушкин изменил первоначальный порядок их расположения: «Выстрел» и «Метель» перенёс в начало сборника.

Изданием повестей занимался Плетнёв. В письме к нему (около 15 августа 1831 г.) Пушкин просил: «Смирдину шепнуть моё имя с тем, чтобы он перешепнул покупателям». В конце октября 1831 г. повести вышли в свет под названием «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.». С полным обозначением имени автора «Повести Белкина» вышли в 1834 г. в книге «Повести, изданные Александром Пушкиным».

Чтобы ответить на загадки «Повестей Белкина», зададимся вопросами:

1. Для чего Пушкин сделал автором повестей несуществующего «писателя» Ивана Петровича Белкина, а сам ушёл в анонимы?
2. Зачем Пушкину понадобился анонимный друг и сосед И.П. Белкина, который прислал издателю (Пушкину) биографию «писателя»?
3. Почему рассказчиков историй четверо (И.П. Белкин только записал эти истории), а повестей — пять? (** В самом деле, в рукописи г. Белкина над каждой повестию рукою автора надписано; слышано мною от такой-то особы (чин или звание и заглавные буквы имени и фамилии). Выписываем для любопытных изыскателей: «Смотритель» рассказал

был ему титулярным советником А. Г. Н., «Выстрел» подполковником И. Л. П., «Гробовщик» приказчиком Б.В., «Метель» и «Барышня» девицей К. И. Т.).

4. С какой целью поэт изменил хронологию повествования, переставив «Выстрел» и «Метель» в начало повестей, хотя хронологически они завершают их?

5. Почему из пяти повестей только события «Метели» привязаны к реальной хронологии: 1811-1812 гг.?

Отвечая на эти вопросы, поставим себя на место поэта после завершения первых трёх повестей. Каждый писатель, приступая с утра к работе над темой, замысел которой либо не созрел окончательно, либо в перерыве работы над темой пришли какие-то новые мысли, как правило, перечитывает написанное, вносит какие-то уточнения. И, если им не было изначально задумано, чтобы в каждой повести обязательно был вдовец (вдова), дочь, то он при прочтении не может не обратить внимания на такие совпадения, даже если они в процессе творчества возникли «случайно». Здесь надо вспомнить, что именно в Болдинский период Пушкиным было сформулировано кредо — как относиться к случайностям: «Провидение не алгебра. Ум ч~~еловеческий~~, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного мгновенного орудия Провидения». Фраза начинается и заканчивается Провидением, т.е. Провидение объемлет общий ход вещей, а ум человеческий, если он видит его, — способен выводить из него некоторые предположения, которые если не всегда, то зачастую подтверждаются временем, но Случай — в монопольной власти Провидения.

Холерный карантин, первые три повести — это и есть те самые «случаи», которые в исключительной компетенции Провидения. И Пушкин, следуя такому ходу мыслей, не мог не вспомнить ещё один случай, имевший место двумя годами ранее.

В один из вечеров осени 1828 г. в доме Карамзина собралось петербургское общество, и там Пушкин рассказал увлекательную историю, в которой среди действующих лиц была вдова без имени, её дочь Вера, некий странный персонаж по имени Варфоломей, обернувшийся чёртом, графиня и другие персонажи, схожие с персонажами «Повестей Белкина».

Общество, охочее до не утомляющих развлечений, было в восторге от рассказа поэта, а утром в гостиницу, где он остановился, пришёл Владимир Павлович Титов (1807-1892) и принёс запись этой истории, испросив разрешения напечатать её. Пушкин сделал небольшие правки, и дал согласие на её публикацию. Так она появилась в журнале «Северные цветы» в 1829 г. под названием «Уединённый домик на Васильевском» за подписью — Тит Космократов (псевдоним В.П.Титова). Познакомившись с этой вещью, убеждаемся: это действительно первый вариант «Домика в Коломне», рассказанный Пушкиным в доме Карамзиных за два года до его поездки в Болдино.

«Уединённый домик на Васильевском» — и шуточная история, и предпосылка ко всему Болдинскому циклу и «Домику в Коломне». По нашему мнению, в её сюжете на бессознательных уровнях психики Пушкин уже видел алгоритму развития России и социальные явления, образы которых он по ходу истории обозначал понятными для «толпы забавной» персонажами-символами. Но зачем шифровать-то и уклоняться от авторства? Почему бы не написать прямо о будущем России? Ответ на этот вопрос и подтверждение нашим догадкам находим в XX октаве предисловия к поэме (в переизданиях, выходивших после 1917 г., из числа 22 первых октав предисловия «пушкинистами» изъяты именно те, где говорится о наличии в последующем тексте скрытого смысла).

Ах если бы меня под лёгкой маской

Никто в толпе забавной не узнал,

Когда бы за меня своей указкой

Другого строгий критик пощелкал.

Кого же поэт называл «толпой забавной»? Известно кого — своих первых читателей и критиков, самодовольных, исторически близоруких и беззаботных. Других — не было. «Другие» — не умели ни читать, ни писать: даже в 1917 году порядка 85 % населения империи было безграмотным. Послание же должно было дойти именно до «других», но для этого надо было обойти «забавных», дав им «как бы ответ». В Болдино в полном одиночестве и сосредоточенности — уже не до шуток. Об этом — в XXI октаве «Домика в Коломне»:

Однакожь, нам пора. Ведь я рассказ

Готовил; а шучу довольно крупно

И ждать напрасно заставляю вас.

Лишь теперь можно понять, почему Пушкин, поставил «Выстрел» и «Метель» в начало повестей: в «Метели» он нашёл и символически выразил наилучший вариант матрицы будущего России. Так мы получили ответ на 4-й вопрос — почему Пушкин изменил хронологию повествования? Вариантов матрицы будущего (в той постановке задачи по проектированию будущего, которую избрал Пушкин) было всего два: либо «Барышня-крестьянка» либо «Метель» — здесь и ответ на 3-й вопрос (почему повестей 5, а рассказчиков 4: обе повести И.П.Белкину рассказала девица К.И.Т.).

Почему же поэта не удовлетворил вариант «Барышни-крестьянки»? Как известно данная повесть завершается банально — Алексей Берестов и Лиза Муромская, преодолевая искусственно созданные родителями преграды, наконец-то находят друг друга. Т.е. вполне логично предположить, что этот союз благословили родители молодых и церковь, после чего они счастливо зажили в браке. Это означает, что чаяния народа нашли своё выражение в лице того, кто претендует на их адекватное выражение (в данном случае либеральная интеллигенция). Однако из сюжета повести следует, что данный союз построен на лжи: Лиза, ради встречи с Алексеем, выдала себя за крестьянскую девушку Акулину. Но если следовать логике жизни, а не логике схемы, то надо знать: лжи во спасение не бывает. Соответственно в умолчаниях «Барышни-крестьянки» остаётся и вариант несчастливого продолжения — возникают размолвки, и Алексей заявляет Лизе: вообще-то я полюбил не интриганку-Лизу, а в бесхитростную Акулину. Именно поэтому, на наш взгляд, Пушкин отверг такой вариант развития событий и приступил к написанию «Выстрела» и «Метели».

Может возникнуть вопрос: «А зачем Пушкину нужна была повесть «Выстрел»? Какую роль играет в ней история Сильвио, который «казался русским, а носил иностранное имя»? — Пушкин на примере жизни Сильвио хотел показать: прежде чем стать человеком, необходимо избавиться от личностного демонизма. Сильвио пять лет жил только одним чувством — чувством мести, причём мести человеку, которого сам же и оскорбил, чтобы вызвать на дуэль. И вот портрет Сильвио после того как он узнал, что может наконец-то удовлетворить это дьявольское чувство: «Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рту, придавали ему вид настоящего дьявола».

А вот финальная сцена повести:

— Будете ли вы стрелять или нет? — спросил граф Б.

— Не буду, — отвечал Сильвио, — я доволен: я видел твоё смятение, твою робость; я заставил тебя выстрелить по мне, с меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совести.

Если вспомнил о совести — конец демонизму.

Следует обратить внимание и на следующий факт: ни в одной из повестей Бог, как Вседержитель, не фигурирует, за исключением «Метели». И хотя в «Метели» Бог прямо себя не проявляет, однако опосредованно метель — одно из главных действующих «лиц» повести и она, как явление случайное, — во власти Бога: метель разлучает Машу с Владимиром Николаевичем и метель же соединяет её с полковником Бурминым. Это означает, что Пушкин будущее России без Бога не видел, и потому завершающее определённое состояние, описанное в «Метели», он считал заведомо устойчивым и приемлемым по отношению к процессам, описанным в остальных повестях и поэме. Тем более что в «Домике в Коломне» есть указание на это: Параша (символ народа) «молилась Богу тихо и прилежно и не казалась Им развлечена. Смиренье в ней изображалось нежно», в отличие от графини (символ либеральной интеллигенции), которая «входила в церковь шумно, величаво, молилась гордо — где была горда?». Не правда ли — очень современно! По этой же причине только эту повесть Пушкин привязал к конкретному времени — к 1812 году.

В наше время под воздействием глобальных СМИ общество пребывает в ожиданиях апокалипсиса: календарь Майя, планета Немезида, агрессивный астероид, смена магнитных и географических полюсов и т.п. Для чего эта апокалиптическая пропаганда?

Если читатель обратится к хронологии России, то он обнаружит, что каждые 200 лет Русь — Россия изгоняла каких-нибудь поработителей. И каждый школьник, более или менее знакомый с историей России, вспомнит два последних изгнания: в 1612 — изгнали из Москвы и России поляков; в 1812 — изгнали из Москвы и России французов. Однако те, кому положено по статусу знать историю России более детально, и для кого природная первооснова работоспособности МДП — не пустые слова, кто всегда видит в России преграду для осуществления своих глобальных вожделений, — те знают, что Россия сосредотачивается. И потому вызревающее будущее России для них столь же опасно, как и её прошлое, а 2012 год — для них такой же шанс окончательно решить «русский вопрос» (пока Россия занята собой), как 1612 и 1812. И они, решая свои проблемы, хотят парализовать страхом весь мир, включая Россию.

Пушкин это ощущал, проектировал будущее России на уровне второго смыслового ряда своих произведений, и, как мы убедились, анализируя болдинский период его творчества, сумел защитить матрицу перехода к этому будущему иносказательностью.

Творчество Пушкина ясное, светлое, совершенное и загадочное. Поэтому прочесть и понять Пушкина, разгадать его загадки — не каждому по силам. «Постичь Пушкина — это уже нужно иметь талант» — сказал С.А. Есенин. Пушкин бессмертен. Он живёт в духе народном и скоро явит себя, как это и предсказал Н.В. Гоголь: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».